

Н.Б. Лебедева*

ПРОДВИЖЕНИЕ ИНДИИ В АТР: ПРОБЛЕМЫ И ПЕРСПЕКТИВЫ

Статья посвящена деятельности на пространстве АТР Индии – географически периферийного государства, не имеющего непосредственного выхода к Тихому океану, но уже ставшего элементом региональной архитектуры политических и экономических связей. Первоочередное внимание уделено изучению эволюции курса «Смотри на Восток», инициированного индийским премьером Н. Рао в 1991 г. и его роли в продвижении Индии в АТР. Обозначена палитра региональных интересов Индии; дана оценка воздействия китайского фактора, а также политико-стратегических сдвигов в АТР, обусловленных принятием США в 2011 г. доктрины «Тихоокеанский век Америки», на политику Дели; рассмотрены основные проблемы и перспективы, связанные с возможным вступлением Индии в АТЭС.

Ключевые слова: Индия, курс «Смотри на Восток», АТР, АСЕАН, ВАС, АТЭС, Китай, США.

Превращение АТР в «Средиземноморье XXI века» – наиболее динамично развивающийся регион планеты – сопровождается активизацией на пространстве Тихоокеанской Азии акторов, не имеющих непосредственного выхода к Великому океану, но способных существенно изменить и усложнить и без того крайне непростую конфигурацию сил. В первую очередь это относится к Индии – стране, имеющей колоссальный демографический и экономический потенциал в сочетании с глобальными амбициями, которой уже давно стало тесно в Южной Азии и Индийском океане.

Еще в 1991 г. индийский премьер-министр Н. Рао выдвинул смелый курс «Смотри на Восток» (Look East Policy – LEP), предусматривавший активизацию деятельности на обширном пространстве к востоку от Индии, главным образом посредством наращивания взаимодействия со странами Юго-Восточной Азии (ЮВА). Результатом этих усилий стали инициация многочисленных новых форматов, программ и проектов сотрудничества и создание плацдарма, позволившего Индии в 2005 г. стать членом Восточноазиатского сообщества (ВАС) и рассчитывать на скорое вступление в Азиатско-Тихоокеанское экономическое сотрудничество (АТЭС), которое может состояться уже в 2013 г.

* *Лебедева Нина Борисовна* – к.и.н., ведущий научный сотрудник Центра индийских исследований Института востоковедения РАН (e-mail: indology@inbox.ru).

В условиях наметившегося стратегического разворота внешней политики России в восточном направлении и особенно в год российского председательства в АТЭС представляется важным охарактеризовать основные проблемы и перспективы, связанные с продвижением Индии в АТР. Это, в свою очередь, требует рассмотрения следующих аспектов: эволюции курса «Смотри на Восток»; основных шагов Индии на пути в АТР; роли китайского фактора; влияния США на формирование тихоокеанской политики Дели; ожиданий Индии от вступления в АТЭС.

Курс «Смотри на Восток»: истоки и эволюция

Почему Индия устремлена на Восток? Для ответа на этот вопрос необходимо в первую очередь очертить понятие «Восток» в том виде, как его трактуют в руководстве Индии. В выдвинутом в 1991 г. Н. Рао курсе под «Востоком», по всей видимости, в широком географическом смысле подразумевалось пространство к востоку от Индии¹, т.е. азиатская часть АТР, а также южные моря региона, но не Северная Америка.

Как представляется, лидеры Индии, не афишируя этого, с дальним прицелом замахнулись на продвижение в АТР, где участие в перспективных интеграционных трендах наиболее полно отвечает глобальным амбициям страны и задачам внутренней экономической перестройки. Быстро реализовать эти цели было бы невозможно на таком широком и сложном поле, для которого характерны множественность динамично развивающихся центров роста, многоукладность экономик, наличие ряда конфликтных узлов и отсутствие какой-либо архитектуры безопасности.

Исходя из главных постулатов своей внешней политики — приоритета национальных интересов, инновационного и адаптивного подхода к изменениям в мире, разумного прагматизма, толерантности и умения видеть и исправлять ошибки, — Индия тактически верно сфокусировала свои усилия на начальном этапе на сопредельной Юго-Восточной Азии, которой позже суждено было стать ее «окном» в АТР. ЮВА обладает выходом в Восточную Азию и АТР, динамично развивающейся экономикой, богатыми и разнообразными природными и людскими ресурсами, обширными рынками и сферами приложения инвестиций, важным геострате-

¹ Позже такая особенность понимания Востока нашла еще одно косвенное подтверждение. В августе 2005 г. в ходе переговоров с Советом сотрудничества арабских государств Залива (ССАГЗ) другой индийский премьер М. Сингх инициировал курс «Смотри на Запад», развернув Индию на 180 градусов и нацелив ее на развитие диалога на пространстве к западу от Индостана.

гическим положением на стыке двух океанов. Индия не хотела оказаться на обочине тех интеграционных процессов, которые бурно развиваются между ЮВА и странами Восточной Азии в форматах «АСЕАН + 1», «АСЕАН + 3» и др. Курс «Смотри на Восток» был обусловлен и целым рядом других факторов: значительной ролью, которую играют в ЮВА внешние игроки – КНР, Япония, США, Австралия; давними культурно-цивилизационными связями с местным населением индийского происхождения; слабым прогрессом в многостороннем диалоге в Южно-Азиатской ассоциации регионального сотрудничества – СААРК (South Asian Association for Regional Cooperation – SAARC).

Процесс реализации курса «Смотри на Восток» проходил в несколько этапов.

Основной особенностью начальной фазы, продолжавшейся с 1991 г. до рубежа веков, был акцент преимущественно на экономической составляющей, прежде всего в развитии отношений с АСЕАН, что отвечало внутренним задачам Индии по проведению рыночных реформ, дерегуляции и либерализации экономики, поиску места в мировой экономике в условиях глобализации. Стремление к лидирующей роли в продвижении вперед субрегионального и регионального сотрудничества, к расширению политико-стратегического влияния и наращиванию военно-морского присутствия за пределами Южной Азии появилось у индийского руководства несколько позже.

К успехам стартового этапа следует отнести: увеличение объемов торговли с АСЕАН (в 4 раза за первое десятилетие); установление партнерства по секторальному сотрудничеству в области торговли, инвестиций, туризма в 1992 г., получение статуса полноправного партнера АСЕАН по диалогу, вступление в Региональный форум АСЕАН по безопасности (ARF) в 1996 г. Кроме того, была инициирована программа развития отстающих северо-восточных штатов; приняты меры по углублению отношений с Мьянмой; реализован ряд коммуникационных проектов; созданы условия для формирования многосторонних интеграционных структур. В 1997 г. была запущена Инициатива для развития всестороннего технического и экономического сотрудничества стран Бенгальского залива – БИМСТЭК (Bay of Bengal Initiative for MultiSectoral Technical and Economic Cooperation – BIMSTEC), тогда же начал действовать инновационный формат «четырёхугольник роста» в составе Индии, Бангладеш, Бутана и Непала; а в 2000 г. – формат «Меконг-Ганг» с участием Вьетнама, Камбоджи, Лаоса, Мьянмы, Таиланда и Индии.

Вместе с тем экспертами были выявлены и существенные проблемы, неизбежные при столь огромном замахе, такие как:

- недостаточно быстрые темпы роста объема торговли с АСЕАН;
- узкая номенклатура предлагаемых Индией товаров [11, р. 60];
- протекционизм в индийском законодательстве; неповоротливость бюрократии в целом и в вопросах облегчения визового режима в частности, что затрудняло развитие туризма и народной дипломатии;
- слабый прогресс сотрудничества в сферах культуры, образования, здравоохранения, в реализации коммуникационных проектов, особенно в северо-восточных штатах;
- низкая креативность в поисках новых ниш взаимодействия в многосторонних структурах – БИМСТЭК и формате «Меконг-Ганг»;
- негативное восприятие партнерами по АСЕАН проводимой Индией «бархатной политики» по отношению к военной хунте Мьянмы и продаже ей индийского оружия.

Индийские лидеры корректировали курс с тем, чтобы придать ему больший динамизм и эффективность, снять критику как внутри страны, так и за ее пределами².

На рубеже веков в курсе «Смотри на Восток» был сделан заметный поворот к политико-стратегическим аспектам в связи с осознанием индийскими руководителями изменения баланса сил в мире и усиления угроз безопасности в АТР и регионе на стыке двух океанов, таких как пиратство, исламский радикализм, наркоторговля, незаконные перевозки оружия массового поражения (ОМП). Все это требовало усиления охраны исключительных экономических зон, стратегических проливов и коммуникаций.

Индия вынуждена была уделять приоритетное внимание свободе судоходства в западной части Тихого океана, поскольку 50% индийских товаров доставляется в Северо-Восточную Азию через эти воды. Участие индийских компаний в разведке и разработке нефтяных и газовых месторождений в Южно-Китайском море (совместно с Вьетнамом) и (самостоятельно) на шельфе Сахалина, потребность в получении прохода к Арктике, где на одном из норвежских островов расположена пока единственная индийская научно-исследовательская полярная станция Химадри, лишь усиливали заинтересованность Дели в освоении и обеспечении безопасности западной части Тихого океана.

Более активную роль на данном направлении Индия намеревалась играть также в силу амбициозного стремления получить статус мировой державы, с одной стороны, и необходимости сдержи-

² Эта критика была снята после подключения военной хунты в середине 1990-х годов к совместной борьбе с повстанцами и криминальными элементами в приграничных районах и подписания в 2010 г. соглашения между Индией и Мьянмой о взаимопомощи в борьбе против террористов и повстанцев.

вать Китай – с другой. Бурный рост экономического и военного могущества КНР и его активизация в регионе вынудили Индию принять доктрину «расширенного соседства» вне Южной Азии и подтолкнули ее к развитию адекватных вооруженных сил, в первую очередь военно-морских, способных противостоять укреплению влияния Китая в ЮВА, одной из конечных целей которого было получение проходов в Индийский океан.

Заложив определенную базу политико-стратегических отношений со странами АСЕАН еще на первом этапе курса «Смотри на Восток» (вступление в АРФ в 1996 г.), Индия дала старт второй фазе.

В 2003 г. между Индией и АСЕАН были подписаны «Договор о дружбе и сотрудничестве» и Соглашение по борьбе с терроризмом, сфера действия которых прямо касается стратегических вопросов. Значительно более глубокую проекцию получили проблемы безопасности – традиционной и нетрадиционной; расширилась сфера активности Индии – от южного пояса АТР до Северо-Восточной Азии; был сделан акцент на укреплении взаимосвязей с ведущими региональными государствами – Австралией, Южной Кореей и Японией.

Динамика эволюции курса «Смотри на Восток» подсказала также индийской дипломатии необходимость акцентирования фактора «морской силы», включающего сегодня не только военные, но и гуманитарные аспекты. В связи с особенностями географического положения ЮВА и АТР, высокой стратегической значимостью коммуникаций и проливов, архипелажным или полуостровным характером многих стран региона ключевую роль в формировании отношений с ними приобрели морская стратегия Индии и проектирование мощи индийских ВМС.

Акцент на усилении силового фактора во внешней политике Дели, прежде всего за счет укрепления ВМС, начал оформляться еще на рубеже веков – после прихода на пост премьер-министра в 1998 г. А.Б. Ваджпай [16, р. 337–338; 36, р. 130–131]. Именно тогда Дж. Фернандесом, министром обороны в правительстве А. Ваджпай, был выдвинут концепт «контроля над 6 проливами», однако Национальная морская стратегия 2004 г. определяла зону интересов Индии достаточно скромно – от Персидского залива до Малаккского пролива [36, р. 130]. Обновленный ее вариант, представленный в 2007 г. под названием «Свобода открытого моря: военно-морская стратегия Индии», уже нацелен на защиту национальных интересов страны во всем Мировом океане и превращение ее в великую морскую державу к 2022–2025 гг.

Амбиции Индии возросли до желания держать под прицелом 12 проливов и стать ведущей морской державой в АТР – если и не на всем его пространстве, то по крайней мере в ряде субрегионов.

Адмиралы правительства М. Сингха, да и сам премьер ратовали за присутствие ВМС далеко за пределами Индийского океана. Эти сдвиги в морской политике нашли отражение также в оригинальной концепции «*трех concentрических кругов*» Си Раджа Мохэна, ставившей перед ВМС три основные задачи – береговую охрану, контроль Индийского океана, выход в АТР и Мировой океан [4; 6, р. 129–131; 27].

Новые стратегические ориентиры получили практическое воплощение. Так, уже в 2007 г. отряд индийских военных кораблей впервые продемонстрировал способность длительного пребывания (с марта по май) на большом удалении от собственных баз – в Тихом океане. Там флот Индии совершил визиты в порты Вьетнама, Филиппин, Южной Кореи и Японии, затем участвовал в крупных маневрах в Восточно-Китайском море с 8 государствами – Китаем, Японией, США, Россией, Новой Зеландией, Филиппинами и др. [2, с. 12].

Кроме того, в Индии был одновременно разработан «Перспективный план военно-морского строительства», принятый в 2011 г. как часть общего плана военного строительства на 2012–2017 гг. К этому периоду флот должен получить 3 авианосца, 30 подлодок разного класса (включая самую современную – «Арихант») и более 70 боевых кораблей класса корвет-эсминец-фрегат, огромные платформы водоизмещением до 40 тыс. тонн, свыше 400 самолетов разного типа и др. [4; 23, р. 91, 93]. Это должно позволить индийским ВМС патрулировать Малаккский и другие проливы, контролировать часть Южно-Китайского моря и проводить операции вне Индийского океана.

Концентрация на решении обозначенных политико-стратегических задач, впрочем, не помешала Индии добиться значительных успехов и в экономической сфере. В 2002 г. был проведен первый саммит АСЕАН – Индия, в 2003 г. Индия и АСЕАН подписали Соглашение о всеобъемлющем экономическом сотрудничестве, а в 2009 г. – Соглашение о создании зоны свободной торговли (ЗСТ), вступившее в силу в 2010 г. [34, р. 475]. Соглашение о ЗСТ устраняет многие препятствия на пути развития экономического сотрудничества между Индией и АСЕАН и предусматривает к 2013 и 2016 гг. поэтапную отмену импортных пошлин на более чем 3700 тарифных линий, составляющих 75% объема торговли между сторонами, а также расширение договорно-правовой базы экономических связей Индии с участниками АСЕАН. Кроме того, на очередном саммите Индия – АСЕАН в августе 2011 г. прошли переговоры о подписании соглашения об облегчении торговли услугами и либерализации инвестиционного режима. Есть все основания полагать, что указанные подвижки будут способство-

вать увеличению объемов торговли с АСЕАН (свыше 60 млрд долл. в 2011 г., около 70 млрд долл. — к концу 2012 г.), которые пока остаются невысокими по сравнению с объемами торговли АСЕАН с другими государствами Восточной Азии (Южной Кореей — 74 млрд долл., Японией — 170 млрд долл., Китаем — 293 млрд долл., по данным за 2011 г.) [35, р. 26–27, 145].

Определенный успех второй фазы курса «Смотри на Восток» не только на пространстве АСЕАН, но и во взаимодействиях с ведущими региональными государствами открыл перед Индией шире дверь в АТР. Это продвижение, получившее название “**Look East and Far**”, в Дели приветствовали далеко не все. В 1990-х годах некоторые аналитики отмечали трудности подключения экономики Индии к группе тихоокеанских экономик — индийские реформы тогда только начинались. Эти эксперты полагали, что Индия должна сфокусировать внимание на Южной Азии и не тратить усилий на решение проблем соседнего региона, делая акцент на том, что именно Индийский океан является сердцем Азии, а дефиниция «АТР» была изобретена в интересах Запада, прежде всего США [10, р. 143]. Стремление Индии войти в число тихоокеанских держав критиковали и за то, что руководство недостаточно занимается проблемами на Индостане — в СААРК и в отношениях с соседними и малыми странами³, допускает негативные для страны подвижки в балансе сил в Индийском океане и строительство Пекином «арки влияния» в регионе (Непал, Бангладеш, Мьянма, Пакистан).

Вместе с тем нельзя не признать, что большинство государств АТР в высшей степени позитивно реагировали на курс «Смотри на Восток» — они ощутили на себе не только зримые плоды сотрудничества с третьей экономикой Азии, но и положительное воздействие политики Индии по стабилизации стратегической ситуации в Индийском океане и в районе Малаккского пролива. Неслучайно индийская политика генерировала встречные инициативы. Так, в 1997 г. Таиланд выдвинул курс «Смотри на Запад», в котором заложил новые направления взаимосвязей с Индией — прямые отношения с северо-восточными штатами, идею формата БИМСТЭК и др. В 2007 г. японское руководство поддержало предложение США и Индии о построении «арки демократии и процветания» от Восточной до Южной Азии. В 2009 г. южнокорейский президент Ли Мён Бак объявил о «Новой азиатской инициативе», нацеленной

³ Для того чтобы дать адекватный ответ на негативные сдвиги в регионе и наладить равноправные и взвешенные связи с соседними государствами, индийское руководство еще в 1997 г. начало реализацию доктрины И.К. Гуджрала, которая предусматривала меры по постепенному сглаживанию асимметрии и ослаблению доминирования Индии в Южной Азии.

на повышение роли Южной Кореи в мире и в развитии сотрудничества со всеми государствами Азии в целом. Указанная инициатива призвана была служить важным дополнением индийского курса «Смотри на Восток». Заметное потепление отношений Австралии с Индией с середины 2000-х годов привело к формированию австралийского курса «Смотри на Запад», нацеленного на развитие индийского направления [35, p. 440].

Шаги Индии по пути в АТР: проблемы и перспективы

Проведение курса «Смотри на Восток», безусловно, подготовило платформу для выхода Индии в АТР и во многом положило начало формированию тихоокеанского направления индийской внешней политики. Однако в процессе наращивания регионального и глобального влияния и движения на Восток Индия столкнулась с рядом проблем.

На рубеже 1980–1990-х годов активность Дели оказалась ограниченной по двум векторам: на северо-западе и западе — странами, входящими в «мусульманский полумесяц», а на востоке — сначала подспудным, а затем вполне реальным стремлением некоторых государств АТР не допустить ее в свои интеграционные структуры. В 1998 г. был объявлен 10-летний мораторий на вступление новых членов АТЭС, под который попала и Индия.

Момент для подачи ее заявки на членство в АТЭС был выбран неудачно — он почти совпал с ядерными испытаниями в мае 1998 г. в Покхране, которые вызвали волну осуждения и привели к введению США, Японией и Австралией против Индии жестких экономических санкций. На саммите АСЕАН в июле 1998 г. Сингапур, Вьетнам, Индонезия и Малайзия выступали за более мягкие меры по отношению к Индии, однако в целом Ассоциация не могла игнорировать данные санкции. В таких условиях о поддержке кандидатуры Индии не могло быть и речи.

Не помогла ее принятию в АТЭС или в другие региональные структуры предложенная странами Северо-Восточной Азии и США в конце 1990-х годов в интересах прежде всего Японии и Китая геоэкономическая и геополитическая концепция расширения границ АТР за счет включения в него восточной части Индийского океана.

Такая реконфигурация была оправданной, поскольку при нарушении стабильности или возникновении конфликта высокой или низкой интенсивности, способного парализовать транспортировку нефти из Персидского залива и Африки по важнейшим морским коммуникациям Индийского океана, безопасности всего Восточноазиатского региона, в первую очередь экономической,

был бы нанесен весомый удар. Согласно данной концепции, системе безопасности необходимо было обеспечивать и выстраивать в границах треугольника, вершинами и опорами которого являлись бы Индия, Австралия с Новой Зеландией и Китай с Японией.

Подобная постановка вопроса соответствовала устремлениям Индии подключиться к активно идущим в АТР интеграционным процессам. Однако эта надежда оказалась тщетной, и Индия была «выдавлена» к югу, в сторону Индийского океана, где свою политику она выстраивала по-прежнему на основе концепции «привилегированного влияния» на прибрежные и островные государства индоокеанского региона.

Вместе с тем к преодолению заторов в движении на Восток Индию подталкивала и некая неудовлетворенность уровнем и темпами развития ряда многосторонних форматов сотрудничества с ее участием. Например, взаимодействия в СААРК слабо прогрессировали по многим причинам, в том числе из-за длительных двусторонних конфликтов и попыток создания антииндийской группировки в составе Пакистана и малых стран Южной Азии, подогреваемых Китаем.

Статус наблюдателя в ШОС, полученный Индией в 2005 г., также имел свои ограничения, поскольку политико-стратегические цели организации не соответствовали целям индийско-американского партнерства. Наконец, по мнению профессора Абдулы Нафия, форматы «Меконг-Ганга» и БИМСТЭК за годы с момента их основания могли достичь больших результатов [29, р. 397]. Первая общерегиональная структура — Ассоциация регионального сотрудничества стран Индийского океана (АРСИО) — с самого начала не включала в повестку дня вопросы безопасности и поэтому была не приспособлена к решению задач охраны стратегических морских коммуникаций, проливов и т.п. [10, р. 347, 355; 38, р. 206].

Все это заставляло Дели стремиться к диверсификации двусторонних и многосторонних направлений внешнеполитического курса. В результате настойчивых дипломатических усилий Индия сумела в 2000-е годы охватить рамками торгово-экономических инициатив все ведущие государства региона: Китай (Соглашение о содействии взаимных инвестиций — ВІРА), Австралию и Японию (Соглашения о техническом сотрудничестве — ТСА), Японию (Соглашение о ЗСТ), Сингапур (Соглашение о всеобъемлющем экономическом сотрудничестве — СЕСА), Южную Корею (Соглашение о всеобъемлющем экономическом партнерстве — СЕРА) и др. [34; 35]. В настоящее время в Дели прорабатывают условия Соглашений о ЗСТ с Австралией и Китаем.

Еще более динамично развивала Индия взаимосвязи в военно-стратегической области. Так, в 2006 г. был подписан первый Мемо-

рандум о намерениях между Индией и Австралией о сотрудничестве в сфере обеспечения морской безопасности наиболее уязвимых ключевых транспортных маршрутов в Индийском океане и на стыке с Тихим океаном, который трансформировался в 2009 г. в Соглашение о сотрудничестве в сфере обороны [38, р. 200–204].

Кроме того, Индия установила стратегические отношения с не имеющим выхода в Тихий океан и, может быть, не самым крупным игроком в АТР – Монголией, подписав в 2001 г. Соглашение о сотрудничестве в сфере обороны, в 2006 г. – Соглашение о стратегическом партнерстве. На их основе обе стороны регулярно проводят совместные учения в условиях пустыни, обмены визитами высших офицеров и т.п. Для того чтобы получить возможность наблюдать за пространством над Китаем и его военными акциями, индийские инженеры установили в этой стране ряд радарных систем раннего предупреждения, способных осуществлять мониторинг испытаний китайских баллистических ракет и программ космических исследований [7; 36, р. 136].

Поскольку Китай и Пакистан обладают значительным арсеналом ракет малой и средней дальности, способных поражать цели на индийской территории, Индия пыталась укрепить свою оборонную способность. В 2007 г. она провела с Японией серию переговоров о создании совместной системы противоракетной обороны (ПРО) при поддержке США [8, р. 103]. Позже в Дели отказались от данного проекта, но не приостановили научно-исследовательскую работу в этой сфере, продолжили укреплять связи с Японией, сотрудничая с Израилем и США, в том числе в сфере ПРО. В 2008 г. Индия подписала с Японией Соглашение по безопасности, второй по важности договор такого рода для Токио [35, р. 439; 23, р. 100].

В 2010 г. было подписано Соглашение о стратегическом партнерстве между Индией и Южной Кореей, отношения с которой прежде явно недооценивались, несмотря на завоевание последней статуса субрегионального «центра развития и силы» и на значительные возможности южнокорейских ВМС, сопоставимые с возможностями ВМС Франции и Великобритании. Обе стороны в равной мере обеспокоены распространением ядерного оружия и ракетных технологий в КНДР и Пакистане.

В связи с проведением Северной Кореей испытаний современных ракет и ядерного оружия в Дели неоднократно заявляли о желании участвовать в шестисторонних переговорах по ядерной программе Пхеньяна и ситуации на Корейском полуострове. Повышение внимания Индии к «северокорейской проблеме» отнюдь не случайно. Индия проявляла серьезную обеспокоенность заявлениями военного руководства соседней Мьянмы о строительстве ядерного

исследовательского реактора с иностранной помощью и подготовке к разработке собственной ядерной программы. По свидетельствам СМИ, в частности “The Sydney Morning Herald” от 1 августа 2009 г., в Мьянме были обнаружены следы реализации данного проекта, а также зафиксированы попытки передачи ей деталей некоторых технологий по тайным каналам из Северной Кореи и Пакистана. Поставки Китаем ракет в КНДР, о которых стало известно из сообщения “Japan Times” от 14.06.2012 г., также потенциально могут нести угрозу безопасности Индии. Безусловно, все эти факты требуют перепроверки, но они настораживают Индию, ставшую уважаемым ядерным государством де-факто, вблизи которого может сформироваться дуга из ядерных, пороговых или теневого государств – Ирана, Пакистана, Мьянмы и КНДР и развиваться неофициальное сотрудничество в ядерной сфере между Пакистаном – Северной Кореей – Мьянмой и Пакистаном – Китаем – Мьянмой [30; 32, р. 81–82; 23, р. 99].

В 2000-х годах Индия стала членом специализированных региональных структур по морской безопасности – Западно-тихоокеанского морского симпозиума (Western Pacific Naval Symposium – WPNS), Инициативы по региональной морской безопасности (Regional Maritime Security Initiative – RMSI, выдвинута США в 2004 г.), Регионального соглашения по борьбе с пиратами и вооруженным разбоем против кораблей в Азии (Regional Cooperation Agreement on Combating Piracy and Armed Robbery against Ships in Asia – ReCAAP, инициировано Японией в 2000 г., вступило в силу в 2006 г.).

Крупным прорывом в продвижении Индии на Восток стало ее участие по приглашению Сингапура, Таиланда, Индонезии, Японии и Южной Кореи в учредительном **Восточноазиатском саммите (ВАС)** в декабре 2005 г., на котором индийский премьер М. Сингх выступил с конструктивной идеей создания региональной ЗСТ к 2016 г. Этому событию предшествовала дипломатическая активность Китая, стремившегося не допустить Индию в ВАС и рассылавшего на протяжении 2005 г. своих эмиссаров в страны АСЕАН в поисках поддержки [34, р. 478].

Индия оказалась в определенной мере «козырной картой» в сложной игре между Японией и Китаем за верховенство в создаваемой структуре. Пекин изначально стремился ограничить число участников ВАС. Япония выступала с предложением о включении Индии, а также Австралии и Новой Зеландии, чтобы ослабить довольно сильные позиции Китая. Пекин, в свою очередь, опасался, что эти государства, как и сама Япония, будут проводить там проамериканскую линию, и, чтобы не допустить такого расклада сил в ВАС и в Восточной Азии в целом, предложил включить Россию.

В дальнейшем Индия широко использовала участие в ВАС для укрепления доверия и связей с АСЕАН и демонстрации своей приверженности принципам открытого регионализма и полицентризма. Китай, напротив, стремился разделить будущую структуру на два блока — из ключевых стран («АСЕАН + 3») и периферийных (Индии, Австралии и Новой Зеландии). Тем самым Пекин пытался ослабить роль Индии в Восточной Азии и ВАС, что отражало долговременные противоречия между двумя крупнейшими азиатскими странами, заслуживающие отдельного рассмотрения.

Индия и Китай — партнеры или соперники?

Формирующаяся тихоокеанская политика Индии в значительной мере подвержена воздействию китайского фактора, который неизменно присутствует в принятии решений и расчетах Дели по широкому кругу направлений.

Оба азиатских гиганта разделяют идею «многополярного мира», однако по-разному оценивают свое место и роль в Азии. Если Индия в перспективе представляет азиатский ландшафт как *полицентричный*, то китайское руководство, судя по некоторым фактам и акциям последних лет, склоняется, скорее, к *синецентризму*. В целом для отношений Индии и Китая характерна определенная асимметрия.

Так, Индия не чувствует себя достаточно защищенной от китайского давления, в частности, на границе в Гималаях (иногда до 500 нарушений в год). Ее торговля с КНР, хотя и расширяется, страдает заметной несбалансированностью. С 2008 г. Китай, опередив США, стал крупнейшим торговым партнером Индии, в то время как Индия занимает среди торговых партнеров Поднебесной лишь 9-е место [36, р. 115]. Дефицит в двусторонней торговле, составлявший в 2005 г. 10 млрд долл., к концу 2010 г. вырос вдвое — свыше 20 млрд долл., несмотря на призывы Дели открыть китайские рынки для индийской сельскохозяйственной и фармацевтической продукции, информационных и иных услуг, где Индия завоевала признание мирового лидера [18, 17.12.2010; 39, 16.12.2010].

Наконец, индийское руководство не может не учитывать того негативного факта, что Китай укрепился в Индийском океане с помощью стратегии «**нить жемчуга**» [2, с. 6–13; 22, р. 1–22], которую китайские эксперты считают чисто американским изобретением, неадекватно отражающим суть политики Пекина в регионе. В настоящее время Индия контролирует почти всю акваторию океана, но Китай сумел оказаться на индийском «заднем дворе», сколотив «арку влияния» из Пакистана, Мьянмы, Непала, Бангладеш

деш и др. В 2007 г. Пекин добился при их поддержке места наблюдателя в СААРК и даже рассчитывает на полное членство в данной организации.

В целом Китай в Южной Азии и Индийском океане обеспечил себе более заметное политическое и стратегическое присутствие, чем Индия в Восточной Азии. Это отчасти объяснимо несколько запоздавшим подключением Дели к процессам в Восточной Азии и АТР, где Индия, по сути, начинала с нуля, в отличие от Китая, чьи торговые и военные суда стали появляться в индоокеанской зоне уже в 1960-е годы в поисках выходов к Восточной Африке, Персидскому заливу и т.п.

С начала XXI в. в отношениях между Пекином и Дели определился комплекс направлений, где обе страны выступают, скорее, конкурентами, чем партнерами. Индия и Китай соперничают:

1) *в сфере энергетики* (в Мьянме, Южно-Китайском море) – спор вокруг проведения совместных с Вьетнамом разведки и разработок нефтяных и газовых месторождений;

2) *на море* – случаи стычек индийских кораблей с китайскими в западной части Тихого океана в 2011 г. [20] и в Аденском заливе в 2009 г.; вызревание элементов противостояния между Пекином и Дели в Антарктиде [9, р. 768, 778; 37, р. 2];

3) *в многосторонних форматах сотрудничества* – «большая игра» вокруг участия Индии в Форуме «Азия – Европа» (Asia-Euro Meeting – АСЕМ) и ВАС, а также (в перспективе) в АТЭС и в качестве постоянного члена в Совете Безопасности ООН (Китай умалчивает о своей позиции по данному вопросу).

Обеспокоенность Индии вызывает также укрепление КНР на пространстве АСЕАН, причем не только в экономике. Профессор Д. Эрейз пришел к выводу, что за подписанием Пекином с Ассоциацией в 2000-е годы Совместной декларации о стратегическом партнерстве во имя мира и процветания, Договора о зоне мира, свободы и нейтралитета (ZOPFAN), ряда детализирующих документов о совместных мерах по нетрадиционной безопасности и т.п. сквозило явное стремление установить прямое взаимодействие между командованиями сухопутными и морскими силами [5, р. 809, 819, 821].

Судя по всему, политика Китая была нацелена не только на расширение стратегического присутствия в ЮВА, но и на смягчение остроты «Малаккской дилеммы». Асеановцы негативно реагировали на действия Поднебесной, которые в конечном счете побудили их к принятию комбинированного курса «мягкого балансирования» между Пекином и Дели [40, р. 139]. В этих условиях Индия должна неизменно учитывать фактор укрепления присутствия КНР в регионе.

В перечне столкновений к числу наиболее напряженных относятся давний территориальный спор между Индией и Китаем. Его урегулирование отложили до лучших времен, но в конце 2011 г. состоялось его очередное (уже 14-е) обсуждение.

Наконец, нельзя не заметить определенной ревности со стороны Поднебесной в отношении планов Индии тоже стать «глобальной державой», а также стремления Пекина ограничить поле влияния Дели территорией Южной Азии, поскольку, согласно китайской поговорке, «двум тиграм трудно ужиться на одной горе».

Однако трения – это не конфликты. В последние годы в ходе визитов на высшем уровне официальные лица обеих стран продолжают заявлять: Азия настолько большая, что на континенте хватает места интересам и зонам влияния и Индии, и Китая.

Действительно, стороны предпринимают активные попытки развития сотрудничества. Ими подписан целый ряд документов: Соглашение Куньмин в составе Китая, Мьянмы, Бангладеш и Индии по развитию инфраструктурных проектов, торговли и туризма в бассейне реки Меконг (1999), Соглашение о китайско-индийском стратегическом диалоге (2005), Соглашение о культурном обмене (2005), Соглашение о сотрудничестве в энергетике в третьих странах (2006). Индия и Китай проводили совместные морские маневры в 2003 и 2005 гг. На основе Меморандума о взаимопонимании по сотрудничеству в обороне (2006) были проведены сухопутные маневры «Рука об руку» в 2007 г. вблизи города Куньмин и в 2008 г. – в индийском районе Белгаон. Существенным шагом навстречу друг другу могло также стать подписанное в январе 2008 г. Соглашение «Индия – Китай: общее видение XXI века» [23, р. 88]. Вместе с тем, по признанию китайских и индийских специалистов, многие документы такого рода все же носят формальный характер и мало способствуют смягчению атмосферы затаенного недоверия между Индией и Китаем.

Их отношения часто определяют формулой «сотрудничество – соперничество», в которой каждый политик или эксперт находит свою меру того или иного. В Индии, например, до сих пор живо стремление рассматривать Китай через призму конфликта 1962 г., однако прагматики (часть конгрессистов и бизнес-элиты) выступают за развитие сотрудничества с соседом. Реалисты (представители Бхаратия джаната парти (BJP), силовых структур и «южного квартала» Дели), напротив, не видят позитивных сдвигов в политике Пекина, обусловленных плодотворным взаимодействием с Дели, и ратуют за ужесточение политики в отношении Китая. Миротворцы (члены Компартии и других левых организаций и движений) не признают наличия угроз Индии со стороны Китая. Оче-

видно, есть и другие точки зрения по данной проблеме, которые выходят за рамки предложенной схемы.

Одной из них является наполненная надеждой на благоприятное развитие отношений между двумя странами концепция «Чиндия» (“Chindia”), предложенная известным политиком и политологом Р. Джайрамом. В формате «Чиндия» эксперты видят и новые точки позитивного соприкосновения, и феномен успеха двух разных систем в подъеме экономик, и возможность сообща определить контуры будущего мирового порядка [25, p. 183].

Адмирал Раджа Менон и профессор Раджив Кумар (директор Индийского совета по изучению международных экономических отношений), осуществив при помощи известных политиков и экспертов глубокое исследование на основе метода сетевой оценки⁴, пришли, однако, к более скромным выводам. Они полагают, что пока великие соседи принадлежат к разным лигам в мировой иерархии, а Индия при всех огромных достижениях отстает от Китая по ряду параметров [см. 25, p. 134, table 23.2] и не способна выступать с ним на мировой арене на равных [25, p. 134; 26, p. 183].

Между тем концепция Р. Джайрама может быть востребована в широком смысле как призыв к духовному осмыслению друг друга, глубокому познанию культур, религий, обществ, цивилизаций, что крайне важно для оздоровления атмосферы между Индией и Китаем. Р. Джайрам прямо пишет об этом в своей книге «Есть ли смысл в Чиндии» [21, p. X–XI], но, к сожалению, этот посыл зачастую ускользает от внимания ученых.

Геостратегические сдвиги в АТР в 2010-е годы и их последствия для Индии

В настоящий момент в АТР происходят существенные геостратегические сдвиги, обусловленные, в частности, принятием США в 2011–2012 гг. доктрины «Тихоокеанский век Америки», нацеленной на реставрацию американского лидерства. Данная доктрина заметно меняет ряд политико-стратегических векторов в АТР и порождает вопрос о возможной коррекции как партнерских отношений, так и параметров формирующейся политики Индии в регионе [13].

С одной стороны, США планируют расширение поля военной-политической активности от западных берегов североамериканского континента до Индостана, т.е. включают восточную часть Индийского океана. Это в интересах и самой Америки, и Индии, поскольку позволит совместно держать под плотным прицелом

⁴ Этот метод также широко использует в Пентагоне команда экспертов из известной стратегической консалтинговой фирмы “Booz Allen Hamilton”.

«узкие горлышки» (“choke points”) и крупнейшие стратегические морские коммуникации на расширившемся пространстве от Суэца до Гавайев, от мыса Доброй Надежды до Тайваньского пролива и при надобности перекрыть нефтяные потоки в любой его точке. В ходе разработки мер по укреплению американского военного присутствия и системы баз Пентагон делает существенный сдвиг силовой проекции из Атлантики в АТР: с севера, откуда во времена «холодной войны» исходила «советская угроза», к югу, в район наибольшей активности Китая – в Южно-Китайское и Восточно-Китайское моря, Тайваньский пролив [3]. Вопрос о том, удастся ли США реализовать свои планы, остается открытым в связи с экономическим спадом и тенденцией к формированию нескольких сложных узлов взаимодействия (АСЕАН – Китай – США, АСЕАН – Китай – Индия, США – Австралия – Китай, Индия – США – Китай и др.), в рамках которых выстроить баланс интересов и обязательств будет не так просто.

С другой стороны, те особые задачи, которые США, по видимому, предполагают возложить на Индию как важного стратегического партнера, могут придать дополнительный импульс расширению сферы ее влияния в АТР.

Еще в середине 2000-х годов в Вашингтоне на основе интервью нескольких десятков высокопоставленных политиков и генералов обеих стран был подготовлен документ «Индийско-американские военные взаимоотношения: ожидания и оценки» [21]. Основное внимание в нем было сфокусировано на усилении экономической и военной угрозы безопасности США и Индии со стороны Китая, сделаны заявления о том, что к 2020-м годам Вашингтону потребуются друг, способный оказать всестороннюю помощь в сдерживании китайского подъема [21, р. 6]. Очевидно, что Индия идеально подходила для этой роли.

Ныне, после обнародования нового курса, официальные лица в США все чаще называют Индию индийско-тихоокеанской державой и призывают ее не «смотреть на Восток», а «быть Востоком» и «действовать как Восток». Подобная риторика, безусловно, приятна Дели.

Подключение Индии к обеспечению безопасности в АТР США готовили заблаговременно. Только в 2000-е годы страны провели более двух десятков совместных учений под разными кодовыми названиями и с разными операционными задачами, среди которых знаковыми были учения в 2002 г. американского отряда спецназа в джунглях южных штатов Индии и индийского контингента на Аляске в 2004 г. в условиях экстремального холода [36, р. 127].

В 2005 г. Тихоокеанское командование США (РАСОМ) для поднятия уровня координации с ВМС Индии пригласило представи-

теля индийского Министерства обороны на пост офицера по связи в штаб-квартире Тихкома на Гавайях (отметим, что подобной привилегии прежде удаивались лишь ближайшие союзники США — Австралия, Южная Корея и Япония [25, р. 102]).

Соединенные Штаты крайне заинтересованы в использовании растущих возможностей Индии, сопоставимых в ряде случаев с китайскими. К их числу относятся: статус ядерного государства де-факто; современные вооруженные силы; опыт Индии в анти-террористической борьбе; способность контролировать (в том числе с помощью пунктов прослушивания в Мозамбике, на Мадагаскаре и, вероятно, Мальдивах, которые позволяют следить за передвижением иностранных флотов) стратегически важные морские коммуникации и проливы; крепнувший флот (пятый в мире); военно-морские базы на западном и восточном побережьях субконтинента.

В поле зрения Пентагона может попасть ключевая база в Порт Блэр на Андаманских островах, где в 2005 г. был размещен штаб Дальневосточного морского командования Индии (FENC), а с 2007 г. — базы для беспилотников. Здесь к концу 2012 г. ВМС Индии получают в свое распоряжение сеть из трех дополнительных вспомогательных баз с современными причалами и оборудованием для размещения подводных лодок, патрульных и боевых кораблей. После завершения их строительства Порт Блэр станет мощнее бывшей американской базы времен «холодной войны» в Субик-бэй [23, р. 95]. Комплекс обеспечит расширение операционного контроля над Малаккским проливом и значительной частью Южно-Китайского моря, где индийские военные суда впервые стали появляться на регулярной основе еще с 2000 г.

С одной стороны, такой прорыв несет вызов интересам Китая. С другой стороны, присутствие ВМС Индии в беспокойном регионе обеспечивает значительную поддержку флоту США, особенно ощутимую в условиях ускоренного строительства китайского флота [31] и снижения числа американских боевых кораблей. Администрация Дж. Буша-мл., отказавшись от тотального контроля над Мировым океаном, вынуждена была впервые за последние десятилетия принять в 2007 г. новую стратегию многостороннего сотрудничества на море в XXI в. Ее фундаментом стала разработанная адмиралом М. Малленом концепция «глобального морского партнерства», основная идея которой состоит в объединении 300 американских боевых кораблей с 700 судами флотов союзников и стратегических партнеров [6, р. 61–62].

Для США может оказаться важным политико-дипломатическое искусство Дели — умение налаживать эффективные отношения, особенно в рамках курса «Смотри на Восток». Например, Индия

первой получила право захода в некоторые порты своего давнего союзника Вьетнама (Нха Транг, Холонг и др.) и, по сведениям СМИ, вела настойчивые переговоры об аренде базы в Камрани [36, p. 133]. Благоприятное решение данного вопроса значительно укрепило бы позиции индийского флота в Южно-Китайском море, однако новое вьетнамское руководство согласилось лишь на допуск иностранных кораблей к пунктам материально-технического обслуживания, но не на аренду.

Как бы то ни было, культивируемые Индией доверительные военно-стратегические связи с Вьетнамом могут быть востребованными в Вашингтоне и будут, несомненно, учитываться в американской стратегии обновления союзов и альянсов в АТР в рамках доктрины «Тихоокеанский век Америки». Вашингтон, по-видимому, попытается использовать в собственных интересах и те трения, которые существуют между Дели и Пекином. Индия, со своей стороны, несомненно, будет проявлять большую заинтересованность в углублении отношений с США в ядерной сфере, в расширении экономических связей и торговли, покупке крупных партий современного оружия и высоких технологий в соответствии с подписанным в июне 2005 г. десятилетним Соглашением об обороне. По условиям данного соглашения и последующих договоренностей, Индия получила такой же статус, как и давние союзники Пентагона — Япония и Южная Корея. Дели сближает с Вашингтоном и тот факт, что расходы Китая на оборону почти в три раза превышают индийские. США не только рассматривают вопросы продажи Дели высокотехнологичных материалов и вооружений американского производства (например, транспортно-боевого самолета “Super Hercules C-130J” и — в перспективе — новейших истребителей пятого поколения “F-35 Lightning II” и др.), но и оказывают поддержку заключению сделки между Индией и Израилем о покупке нескольких самолетов “Phalcon AWACs” [23, p. 102].

Укреплению стратегического сотрудничества с Вашингтоном способствует также высокая степень интегрированности индийской экономики в экономику США. Вместе с тем Индия по данному показателю существенно уступает Китаю — в последние годы товарооборот между Вашингтоном и Пекином составлял около 400 млрд долл., и именно китайская экономика способна, по мнению ряда экономистов, при благоприятной ситуации помочь Соединенным Штатам выйти из кризиса.

В Дели принимают во внимание и растущий вес индийской диаспоры в Америке. Ее наиболее успешные представители сумели занять высокие позиции в финансовых структурах, СМИ, компаниях, занимающихся информационными технологиями, и т.п. Индийская культура, философия, англоязычная литература завое-

вали широкое признание не только на территории США, но и в мире в целом. Некоторые индийские политологи оценивают подобные аспекты «мягкой силы» Индии как возможность восполнить определенный дефицит в «твердой силе».

В свою очередь, в Индии существует лобби, поддерживающее тесные связи с американским военно-промышленным комплексом. Для Дели чрезвычайно важна поддержка, оказываемая президентом США Б. Обамой стремлению Индии получить место постоянного члена Совета Безопасности ООН. Укрепление партнерских отношений с Соединенными Штатами косвенно способствуют обновлению имиджа Индии в глазах стран – членов АСЕАН, дальнейшему продвижению в АТР, решению некоторых частных проблем, таких как, например, заключение соглашения с Австралией о покупке партии урана и др.

Однако в Вашингтоне не могли не замечать того, что Дели по-прежнему тяготеет к «неприсоединению» в своей стратегической политике. В 2007 г. Индия отказалась от настойчивого приглашения участвовать в стратегическом альянсе с Австралией, Японией и США, хотя на деле она активно сотрудничает с этими государствами в военной сфере: проводит совместные маневры, обменивается визитами военных специалистов на разных уровнях, секретной информацией, осуществляет подготовку военных кадров и т.п. [38, р. 202].

В последние месяцы в Индии активизировались дискуссии о назревающей необходимости пересмотра ряда положений стратегии «неприсоединения» в условиях изменения ситуации в мире и в Индо-Тихоокеанском регионе. Одним из первых шагов в данном направлении стал опубликованный в феврале 2012 г. специальный доклад «Неприсоединение 2.0», подготовленный известными дипломатами, политиками и стратегами из «мозговых трестов» в «Южном квартале» Дели, где сосредоточены ведущие исследовательские центры – Институт оборонных исследований и анализа, Морской фонд, Центр по изучению внешней политики и др. [18, 29.02.2012]. Следующий шаг (реакция на доклад и принятие решения) – за индийским руководством.

Индия неизменно проводила независимую и многовекторную внешнюю политику, однако в новых условиях можно предположить, что она, видимо, будет склоняться к признанию “Рах Америкапа” и участию в новом японо-американском альянсе, но без договорных обязательств. Первое тройственное совещание по вопросам безопасности состоялось в конце 2011 г. в Вашингтоне, а индийско-американские маневры в Бенгальском заливе – в середине апреля 2012 г.

В ходе визита министра обороны Индии А.К. Энтони в Токио в апреле 2012 г. для участия в VI стратегическом диалоге Индия –

Япония были согласованы задачи будущих совместных маневров ВВС и ВМС двух стран, которые должны стать не просто очередными учениями, а первой попыткой отработки операционной составляющей различающихся систем вооружения. В мае было принято решение о проведении трехсторонних (США – Индия – Япония) морских учений в районе спорных островов в Южно-Китайском море [3].

Эти планы, а также успешный запуск в апреле 2012 г. индийской ракеты стратегического назначения “Agni – V” дальностью более 5000 км в акватории Тихого, а не Индийского океана свидетельствуют о заметном стратегическом продвижении Индии в АТР, материализации стратегических взаимодействий в трехстороннем формате: США – Япония – Индия.

Какие дивиденды может получить Дели? Грядет ли третья фаза курса «Смотри на Восток»? Каковы будут его параметры? Пойдет ли Пекин на какие-то уступки Индии, чтобы пусть в небольшой мере, но попытаться нейтрализовать укрепление ее связей с США? Как видно, вопросов много, но пока давать ответы на них преждевременно – многие процессы в регионе только набирают обороты.

Вступление Индии в АТЭС: возможности и вызовы

Азиатско-Тихоокеанское экономическое сотрудничество, в которое сегодня входит 21 экономика, возникло как крупнейший форум, призванный содействовать развитию региональной торговли и либерализации режима инвестиций. Позже, начиная с саммитов в Шанхае (2001) и Лос-Кабосе (2002), одной из профилирующих тем в его работе стала борьба с терроризмом невоенными средствами. Ныне АТЭС находится в поисках обновления форм взаимосвязей; обсуждаются предложения о создании в его рамках субрегиональных интеграционных группировок. Судьба форума в какой-то степени зависит от темпов и масштабов развития новой экономической структуры – **Транстихоокеанского партнерства (ТТП)**, которое, по некоторым оценкам, может стать конкурентом АТЭС или даже поставить вопрос о целесообразности его существования.

Тем не менее в связи с возможным принятием Индии в данный формат закономерно возникают вопросы: каков может быть вклад Индии в АТЭС, чего ожидают от Дели другие участники форума, как деятельность в нем Индии может способствовать укреплению тихоокеанского вектора в ее политике и реализации более широких интересов?

Гипотетически Индия способна оказать большое влияние на решение некоторых ключевых проблем в АТР. По всей видимости,

наступает время для формулирования третьей фазы курса «Смотри на Восток», в ходе реализации которой Дели, с одной стороны, сможет озвучить новую политико-стратегическую и экономическую роль в расширенном индийско-тихоокеанском регионе, с другой — получить новые возможности, представляющие практический интерес для АТЭС.

Так, Индия могла бы внести вклад как в шестисторонние переговоры по ситуации на Корейском полуострове, так и в урегулирование территориальных споров в Южно-Китайском море. Поскольку в АТР до сих пор отсутствует какая-либо архитектура безопасности, позитивную роль сыграли бы укрепление мер доверия и формирование более устойчивого баланса сил на «флангах» региона, где в роли «застрельщиков» могли бы выступить Индия в бассейне Индийского океана и Австралия в южном поясе АТР.

Учитывая огромную зависимость Китая от коммуникаций в Индийском океане, Индия, которая выступает локомотивом общерегионального сотрудничества, могла бы сделать АРСИО более дееспособной в части обеспечения безопасности, инкорпорировав стратегическую составляющую в работу организации, от чего прежде она отказывалась. Индия может также наполнить конкретным содержанием встречи высших руководителей морских ведомств прибрежных стран в формате Индоокеанского морского симпозиума (Indian Ocean Naval Symposium — IONS), инициатором создания которого по образцу WPNS она выступила в 2007 г. [17, p. 46].

На основе концепта «конструктивной вовлеченности» было бы целесообразно пригласить к консультациям по укреплению мер доверия и превентивной дипломатии Китай, который не является членом ни первой, ни второй структуры. Это снизило бы накал страстей вокруг охраны стратегических морских коммуникаций и отчасти нивелировало бы опасения Пекина по поводу его экономической безопасности.

По-видимому, назрела необходимость повернуть работу ВАС в более практическое русло и сделать встречи лидеров стран-участниц постоянным форумом для обсуждения широкого круга проблем безопасности, политико-стратегического взаимодействия и торгово-экономического сотрудничества в Восточной Азии и АТР. В решении такой задачи Индия тоже могла бы внести полезный вклад.

Что касается подключения экономики Индии к АТЭС, то она получит мощный импульс от воздействия динамично развивающихся в рамках форума процессов либерализации и снижения торговых барьеров для углубления внутренних реформ, повышения конкурентоспособности, формулирования долгосрочной страте-

гии устойчивого роста и т.п. Как полагала в 2009 г. бывший заместитель министра финансов Канады, ныне профессор Университета Торонто В. Добсон, Индия внесет весомый вклад в работу АТЭС, если сумеет сбалансировать свои внутренние проблемы и вызовы безопасности с целями этой структуры [15].

Индия может найти свои ниши в деятельности АТЭС. Страна добилась впечатляющих достижений в информационных технологиях, мирном использовании ядерной энергии, производстве спутников, а также огромных платформ для оффшорных и глубоководных разработок нефти и газа, в предоставлении образовательных и инженерно-строительных услуг, фармацевтике, биотехнологиях; является третьим крупнейшим производителем солнечной и ветряной энергии, экспортером ветряных турбин. В Индии идут интенсивные разработки высокотехнологичного оборудования для производства солнечной энергии с использованием нанотехнологий, фотоники, оптических метаматериалов и т.п.

В широком политическом плане участие в АТЭС даст Индии возможность продвигать интересы развивающихся стран, что особенно важно в условиях снижения значимости Группы-77 и Движения неприсоединения. Неоднократно демонстрировавшая творческий подход к внешней политике, Индия могла бы эффективно работать как в комиссиях экспертов и 11 рабочих группах, так и на двустороннем уровне с членами АТЭС, использовать свой опыт участия в многосторонних форматах. Наконец, приверженность Индии принципам демократии будет более привлекательной в глазах членов АТЭС по сравнению с авторитаризмом Китая.

Вместе с тем вступление Индии в АТЭС, которое ожидается в 2013 г. или позже, может пройти не так гладко, как хотелось бы. Перед страной, вероятно, возникнет немало проблем, особенно в начальный период «притирки», примерно схожих с теми, которые она испытывала в отношениях с АСЕАН — организацией меньшей, чем АТЭС.

К их числу можно отнести проблемы снижения торговых тарифов, особенно по сельскохозяйственным и текстильным товарам, фармацевтике и продуктам химического производства. Индии потребовались годы для решения проблемы тарифов с АСЕАН. То же самое придется сделать и в АТЭС, где на очередном саммите в Гонконге в ноябре 2011 г. было предложено осуществить дальнейшее снижение барьеров и приступить к созданию *бесшовной региональной экономики*.

Трудно представить, что, отстаивая свои интересы, Индия и Китай не будут соперничать в рамках АТЭС, в первую очередь по вопросам энергетики, поисков новых источников ресурсов и пр. Не добавит устойчивости позиции Дели в АТЭС и наблюдаемый

ныне в мире в условиях продолжающейся рецессии спад спроса, в том числе на информационные технологии, в разработке которых Индия имеет огромные достижения, но была прежде ориентирована в основном на Запад.

Как бы то ни было, стратегического смысла исключать из АТЭС Индию, растущего азиатского гиганта, уже участвующего в ВАС, «G20» и других глобальных и региональных форматах, нет. Напротив, ее членство в форуме может принести очевидные дивиденды и придать дополнительную динамику интеграционным процессам в АТР.

За два десятилетия курс «Смотри на Восток» превратился в многопрофильную, инновационную, долгосрочную стратегию, которая вывела Индию на новый уровень — за пределы и Южной Азии, и зоны Индийского океана. Она способствовала также преодолению страной известной доли отчужденности, которую та отчасти испытывала в период «холодной войны» и которая обусловила первоначальное недоверие со стороны некоторых членов АСЕАН и других региональных игроков.

Известный индийский политолог и международный комментатор Си Раджа Мохэн, к мнению которого прислушиваются и в Индии, и за ее пределами, дал высокую оценку этому курсу: «Нет сомнения в том, что за последние несколько десятилетий индийская дипломатия продемонстрировала значительное стратегическое воображение и добилась во внешней политике немало крупных достижений. Курс “Смотри на Восток” занимает одно из первых мест в этом ряду» [28, p. 158].

С момента запуска курса Индия вступила в соглашения о стратегическом партнерстве с более чем 10 государствами, включая США; стала инициатором, полноправным участником или наблюдателем в многосторонних региональных и международных структурах сотрудничества (АРСИО, БИМСТЭК, ШОС, ИБСА, ВАС, БРИКС, АСЕМ, «G20»), не считая специализированных организаций второго ряда, а также неформальных площадок (Track II) для встреч представителей академических и деловых кругов, СМИ, неправительственных организаций).

Курс «Смотри на Восток» в целом и Соглашение о ЗСТ между АСЕАН и Индией в частности приближают возможность осуществления достаточно давнего желания индийского руководства обрести членство в самой крупной структуре АТР — форуме АТЭС. Его воплощению могут способствовать и такие важные достижения курса «Смотри на Восток», как подписанные (с Таиландом, Сингапуром, Малайзией, Вьетнамом и др.) и прорабатываемые в

настоящий момент или запланированные на будущее соглашения о ЗСТ (с Брунеем и другими странами). Все эти партнеры, без сомнения, поддержат кандидатуру Индии на вступление в АТЭС, как и на получение постоянного места в Совете Безопасности ООН.

Однако, признавая несомненные успехи Дели в продвижении на Восток, имеет смысл задаться вопросом: можно ли ныне считать Индию одним из *ведущих* «игроков» международных отношений в АТР, который воздействует в определенной мере на региональный баланс сил или деятельность тех или иных структур? Вопрос этот далеко не праздный: появление Индии в АТР вызывает живейшие дискуссии в сообществе экспертов-международников, мнения которых весьма неоднозначны.

Так, американец Д. Мак-Дугалл ограничивает роль Индии *взаимодействием* по разным направлениям с государствами АТР. Х. Пант, профессор Лондонского университета, напротив, утверждает, что Индия уже является *главным* актором на политической сцене в АТР наряду с США, Китаем и Японией. Ученый Лондонского университета Брунел Д. Скотт склоняется к более скромной оценке: Индия стала игроком международных отношений в АТР [33, р. 57; 24, р. 7]. Наконец, У.С. Лэдвиг из Оксфордского университета полагает, что влияние и присутствие Индии наиболее весомо ощущается в ЮВА [23, р. 107].

С последним выводом можно согласиться, однако следует признать, что Индия уже подала немало недвусмысленных сигналов относительно ее амбициозных устремлений по внедрению в пространство АТР и главное — предприняла немало конкретных шагов в данном направлении. С нашей точки зрения, это уже не просто взаимодействие со странами АТР, а нечто большее, и, думается, Индия не намерена остановиться на достигнутом.

В пользу наращивания Индией потенциала тихоокеанского игрока действуют несколько факторов: 1) эффективность курса «Смотри на Восток», который перевел Индию из разряда южноазиатского и индоокеанского государства в категорию тихоокеанских стран; 2) конструктивный характер участия Дели в ВАС; 3) глубина стратегических взаимосвязей с государствами АТР — США, Японией, Австралией, Южной Кореей и странами — членами АСЕАН; 4) объединение Индийского океана с АТР в соответствии с новой доктриной США, придающее легитимность тихоокеанскому статусу Индии — географически периферийного государства.

Ряд стран политически признали тихоокеанский статус Индии сразу после ее появления в ВАС. Однако пока, как представляется, индийские возможности в АТР сравнительно узки, и на пути ее

продвижении в АТР существуют серьезные препятствия. Ограничения, с которыми приходится сталкиваться Дели, можно разделить на две группы. Первая включает: необходимость решать серьезные внутренние социально-экономические проблемы, в первую очередь бороться с бедностью (свыше 22% индийцев живут за чертой бедности); расходование значительных ресурсов на подавление всплеск терроризма, сепаратистских и повстанческих движений, особенно на северо-востоке страны; сопротивление левой оппозиции; недостаточно высокий уровень развития инфраструктуры (дорог, портов, баз, причалов, хранилищ и т.п.). Активная роль Дели в АТР потребует также выделения значительных дополнительных средств на дальнейшее укрепление ВМС (около 15% военного бюджета, или 4,77 млрд долл. на 2012 г.) [4]. Хватит ли ресурсов на такой рывок в АТР, покажет время. Ко второй группе ограничителей можно отнести проблемы «внутреннего кольца», прежде всего в Южной Азии и Индийском океане, которые и раньше омрачали политическую жизнь Индии, а ныне требуют более плотного контроля региональных трендов [14, р. 36–65]. Наконец, сказывается и тот факт, что Индия играет на новом для себя поле относительно недавно.

В Дели признают эти ограничения и необходимость расширять возможности в АТР, особенно в сфере экономики. Индийскому руководству предстоит приложить немалые усилия, чтобы в полной мере воспользоваться той форой, которую уже предоставили ей страны АСЕАН, Япония и Южная Корея.

Важно и другое: появление Индии заметно изменило конфигурацию устоявшихся в АТР взаимосвязей, в первую очередь в паре США – Китай, сформировав некий условный треугольник США – Индия – Китай, а также добавило долю новизны в союз США – Япония, расширив его рамки, но без договорных обязательств.

В этой связи интересна оценка места и роли Индии, данная ЦРУ в докладе 2005 г., где по отношению к ней впервые был применен термин «колеблющееся государство» (“swing state”) как к стране, занимающей в центре треугольника позицию своеобразного маятника. За счет этого она приобретает, с одной стороны, стратегический вес в Азии и АТР, а с другой – определенную меру тактической гибкости [17, р. 43; 36, р. 126, 128]. Роль «колеблющегося государства» (термин позже прижился в работах специалистов по международным отношениям) позволяет Индии, по их мнению, свободно сотрудничать в рамках связки Россия – Индия – Китай, нового американо-японского альянса или треугольника США – Индия – Китай.

Для Индии важно разыграть эту карту с наибольшей выгодой для ее национальных интересов. Чтобы сохранить устойчивость

развития тихоокеанского направления и равновесие в указанном треугольнике, она будет предпринимать попытки поддержания индийско-китайских отношений в хорошем, «рабочем» состоянии, несмотря на то что они очень сложны, противоречивы, хрупки и омрачены, с точки зрения Китая, сближением Дели с Вашингтоном.

В целом есть все основания полагать, что накопленный Индией многогранный опыт взаимодействия в различных двусторонних и многосторонних форматах в регионе и свойственный стране политический прагматизм позволят ей преодолеть все перечисленные преграды и ограничения. Индия имеет все шансы выйти на новый уровень взаимодействия со странами АТР, стать достойным участником АТЭС и создать прочную основу для закрепления своих позиций в наиболее динамично развивающемся регионе мира.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Военно-промышленный курьер. № 20 (437). 2012. 23 мая.
2. Лебедева Н.Б. Большой Индийский океан и китайская стратегия «нить жемчуга» // Азия и Африка сегодня. 2011. № 9. С. 6–13.
3. Лебедева Н.Б. Тихоокеанский век Америки – на повестке дня снова военные базы [Электронный ресурс] // Новое восточное обозрение [Интернет-журнал]. 20.04.2012 г. URL: <http://www.ru.journal-neo.com/node/15674> (дата обращения: 12.08.2012).
4. Тебин П.Ю. Индийский слон соперничает с китайским драконом: современная военно-морская стратегия Нью-Дели [Электронный ресурс] // ЦентрАзия [Интернет-портал]. 16.03.2012 г. URL: <http://www.centrasia.ru/newsA.php?st=1331875740> (дата обращения: 15.08.2012).
5. Arase D. Non-traditional Security in China – ASEAN Cooperation. The Institutionalization of Regional Security Cooperation and the Evolution of East Asian Regionalism // Asian Survey. 2010. Vol. 50. № 4. P. 808–833.
6. Asia Looks Seaward. Power and Maritime Strategy / Ed. by T. Yoshihara, J.R. Holmes. Pentagon Press, Praeger Security International. First Indian Edition, 2009.
7. Bedy R. Defence Ties with Mongolia Expanded // The Tribune, Chandigarh, India, August 9, 2009.
8. Blank S. Moscow's Strategic Triangle in Time of Transition // The Journal of East Asian Affairs. 2008. Vol. 22. № 1. P. 99–144.
9. Brady A.-M. China Rise in Antarctica? // Asian Survey. 2010. Vol. 50. № 4. P. 759–785.
10. Bridge across the Indian Ocean / Ed. by J. Singh. Institute for Defence Studies and Analysis N.D., Shri Avtar Printing Press, 1997.
11. Chachavalpongpun P. Look East Meet Look West: India – South East Asia Evolving Relations // Foreign Policy Center Journal (FPCJ). 2011. №. 8. P. 48–71.

12. *Chellaney B.* Asia's New Triple Entente // The Washington Times. 2012. January 24–25.
13. *Clinton H.* America's Pacific Century // Foreign Policy. 2011. November 14.
14. *Cohen S.P.* India: Emerging Power. Washington, D.C.: Brookings Institute Press, 2001.
15. *Dobson W.* India's Significance to APEC // East Asia Forum. 2009. November 10.
16. Engaging with the World. Critical Reflections on India's Foreign Policy / Ed. by R. Harsh, K.M. Seethi. N.-D. Orient Blackswan, Pvt. Lmt, 2009.
17. *Gordon A.* India's Look East Policy: As a Member of Asia's Concert of Powers // FPCJ. 2011. № 8. P. 42–47.
18. The Hindu. 2012. February 29.
19. Indian Navy. Integrated Headquarters of Ministry of Defence (Navy), Indian Maritime Doctrine. INBR8. 2004. April 25.
20. The International Business Times. 2011. September 9.
21. *Jairam R.* Making Sense of Chindia. Reflections on China and India N.D. Indian Research Press, 2005.
22. *Khurana G.S.* China's String of Pearls in the Indian Ocean and the Security Implication // Strategic Analysis. June 2008. Vol. 32. № 1. P. 1–39.
23. *Ladwig III W.C.* Delhi's Pacific Ambitions: Naval Power, "Look East Policy" and India's Emerging Influence in the Asia-Pacific // Asian Security. 2009. Vol. 5. № 2. P. 87–113.
24. *McDougall D.* Asia-Pacific in World Politics. Lynne Rienner Publishers, 2007.
25. *Menon R., Kumar R.* The Long View from Delhi. To Define the Indian Grand Strategy for Foreign Policy. N.D., Academic Foundation. 2010.
26. *Mishra B.K.* Realist Foundation of India's Look East Policy // FPCJ. 2011. № 8. P. 182–199.
27. *Mohan C.R.* India and Balance of Power: Will the West Engage? // Foreign Affairs. July–August 2006. Vol. 85. № 4.
28. *Mohan C.R.* The Re-making of Indian Foreign Policy: Ending the Marginalization of International Relations Community // International Studies. 2009. Vol. 46. № 1–2. P. 147–163.
29. *Nafey A.* India's Imperatives in IBSA Forum // World Focus. 2009. Vol. XXXI. № 10. P. 395–398.
30. *Naidu G.V.C.* Ballistic Missile Defence: Perspectives on Japan-India Cooperation // Strategic Analysis. June 2008. Vol. 32. № 1. P. 155–177.
31. *O'Rourke.* Chinese Naval Modernization. Congress Research Service. 2012. June 14 [Electronic resource] // Federation of American Scientists [Official website]. URL: www.fas.org/sgp/crs/row/RL33153.pdf (accessed: 15.08.2012).
32. *Panda R.* North-Korea – Myanmar Nuclear Links: India's Concerns // Indian Foreign Affairs Journal. July–September 2009. Vol. 4. № 3.
33. *Pant H.* India in Asia-Pacific: Rising Ambitions with an Eye on China // Asia-Pacific Review. 2007. Vol. 14. № 1. P. 54–71.
34. *Rajan D.S.* East Asia Integration – China Reservations on India playing a Leading Role. March 13, 2011 [Electronic resource] // Chennai Centre for

China Studies [Official website]. URL: <http://www.c3sindia.org/eastasia/2201> (дата обращения: 12.08.2012).

35. *Reddy C.R.* India's Look East Policy: Problems and Prospects. October 31, 2010 [Electronic resource] // URL: <http://sanjaykumarjnu.blogspot.com/2010/10/indias-look-east-policy.html> (дата обращения: 12.08.2012).

36. *Rehman I.* Keeping the Dragon at Bay: India's Counter-Containment of China in Asia // *Asian Security*. 2009. Vol. 5. № 2. P. 114–143.

37. *Sakhuja V.* The Arctic Council: Is There a Case for India? Policy Brief. October 2010 [Electronic resource] // Indian Council of World Affairs [Official website]. URL: <http://www.icwa.in/pdfs/policy%20briefs%20dr.pdf> (дата обращения: 12.08.2012).

38. *Singh Y.* India's Look East Policy: Australia is a Perfect Fit in it // *FPCJ*. 2011. № 8. P. 200–206.

39. *The Times of India*. 2010. December 16.

40. *Zhao H.* India and China: Rivals or Partners in Southeast Asia? // *Contemporary Southeast Asia*. April 2007. Vol. 29. № 1. P. 121–142.